

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

М А Й.

№ 13.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ МАѢ (стих.).

НЕРАЗЛУЧКА.

НА ДАЧѢ (стих.).

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.

ЦВѢТОКЪ, КОТОРЫЙ ПОЕТЪ (сказка).

КОРЗИНЫ ЖЕМЧУГА (сказка).

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Помѣщичья усадьба—для склеиванія (продолженіе).

Паукъ и мухи (игра).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ИМПЕРАТОРСКОМУ
МОСКОВСКОМУ ДѢТСКОМУ
МУЗЕЮ

— У насъ все готово. . Пожалуйте къ намъ въ гости!

М А Й.

<p>Снѣгъ сошелъ, просохли ужъ дорожки, Голубыми стали небеса, На берегахъ ужъ висятъ сережки, Раздаются птичьи голоса.</p>	<p>Листъ сопрѣлъ, ужъ ломкимъ сталъ валежникъ, Пахнетъ въ роцѣ смолкой и грибокъ, Кое-гдѣ цвѣтетъ еще подснѣжникъ И глядитъ голубенькимъ глазкомъ.</p>
<p>Ужъ не дуетъ буйный вѣтеръ рѣзко, Всюду видишь Божью благодать, Ужъ весна... Цвѣтетъ ужъ перелѣска, Зеленѣетъ „мачеха-и-мать“.</p>	<p>Въ вышинѣ ужъ журавли кричали... Это къ намъ... Летите въ добрый часъ!.. О, весна, какъ всѣ тебя мы ждали И какъ рады мы тебѣ сейчасъ!</p>

Кузничикъ.

НЕРАЗЛУЧКА.

Я—изъ породы попугаевъ, но такого же маленькаго роста, какъ и воробей. Я родился въ глубинѣ Австраліи, гдѣ мы цѣлыми стаями жили у опушки лѣса по сосѣдству съ громаднымъ, невоздѣланнымъ еще полемъ. Раннимъ утромъ, едва только восходило солнце, какъ мы уже съ радостнымъ щебетаньемъ, собравшись въ стаю штукъ около ста, летѣли на рѣчку на водопой, и затѣмъ возвращались къ себѣ на лугъ и, быстро бѣгая между травой, кормились зернышками. Насѣкомыхъ мы не трогали и они не боялись насъ, или же просто вовсе насъ не замѣчали, благодаря зеленой окраскѣ нашихъ перьевъ. Насъ вообще трудно отличить на зеленомъ фонѣ листьевъ или травы. Наѣвшись, мы летѣли обратно къ своимъ деревьямъ, сажались парочками на вѣтки и не двигались. Палило солнце, мы находились въ тѣни и наслаждались спокойствіемъ. Мы сидѣли всегда парочками, тѣсно прижавшись другъ къ другу, почему люди и прозвали насъ неразлучками. Кажется, изъ всѣхъ птицъ только среди насъ однихъ и наблюдается такая нѣжная любовь между супругами, что если одинъ изъ нихъ вдругъ умретъ, то и другой тотъ

часъ же начинается отъ тоски хирѣть и еще долго походить на больного. Едва только спадаетъ дневной жаръ, и въ воздухѣ начинается потягивать вечерней свѣжестью, какъ всѣ мы уже опять летимъ къ рѣчкѣ на водопой и, пощebetавъ немножко, укладываемся на ночлегъ. Наши самки устраиваются на ночь въ дуплахъ деревьевъ, которыя онѣ же сами и выдалбливаютъ для себя, а мы, самцы, садимся тутъ же, каждый у своего входа, и, засунувъ голову подъ крыло, сладко дремлемъ.

У моей супруги тоже было свое дупло. Она выдолбила его въ старой мимозѣ, устлала дно этого дупла мелкими щепочками и пушкомъ и снесла шесть кругленькихъ, какъ шарики, блестящихъ яичекъ.

— Теперь я буду высиживать дѣтокъ, сказала она мнѣ, — а ты садись около меня и забавляй меня своими пѣснями.

Мы, неразлучки, очень примѣрные супруги и, разъ избравъ себѣ подругу жизни, уже не расстаемся съ нею до самой нашей смерти. Услышавъ, что моя жена рѣшила высиживать птенцовъ, я обрадовался и отвѣтилъ:

— Ахъ, какъ это хорошо! Ты сиди и не думай ни о чемъ. Я буду приносить тебѣ ѣсть и буду развлекать тебя своими самыми лучшими пѣснями.

Цѣлыя три недѣли она просидѣла на яйцахъ и все это время

я оберегалъ ея покой, приносилъ ей въ клювъ зеренъ и воды, кормилъ ее и затѣмъ пѣлъ. И всѣ эти три недѣли она не сходила съ гнѣзда, и я удивлялся ея терпѣнью. Потомъ вывелись у насъ птенчики. Это были голенькія, препотѣшныя птички съ большими головами и съ тупыми носами, но онѣ казались намъ прекрасными, и мы любили ихъ отъ всей души. Теперь и для меня, и для ихъ матери настали дни труда: мы оба должны были ихъ выкармливать, а это было дѣло далеко нелегкое, такъ какъ птенцовъ у насъ было шестеро, всѣ они съ утра и до вечера готовы были ѣсть, а насъ было всего только двое и мы должны были добывать для нихъ ѣду. Но тамъ, гдѣ въ семьѣ любовь и ладъ, — все идетъ какъ-то само собою, — и мы и не замѣтили, какъ пролетѣлъ мѣсяцъ и изъ нашихъ ребятъ выросли взрослые неразлучки.

— Ну, теперь можете улетать и устраивать свою жизнь, какъ вамъ угодно, обратилась къ нимъ мать. — Мы исполнили свой долгъ и должны отдохнуть. Теперь надо порѣзвиться и намъ!

Дѣти улетѣли отъ насъ, а я и жена опять зажили прежней веселой жизнью, опять летали въ стаѣ на водопой и въ поле на прокормъ и въ жаркіе полдни сидѣли парочками на вѣткахъ и радовались солнцу, воздуху, небу и вѣ-

терку и всему тому, что создалъ для насъ Господь.

А затѣмъ съ нами случилось большое несчастье: насъ поймалъ человѣкъ. Онъ разставилъ громадную сѣтку, насыпалъ зеренъ, а мы были такъ доврчивы, что подумали, что это онъ сдѣлалъ, чтобы повкуснѣе насъ накормить, и поймалъ. Боже мой, какъ мы бились, чтобы высвободиться изъ сѣти, какъ мы обламывали себѣ перья и какой ужасъ испытывали при одной только мысли, что лишились свободы навсегда! Мы тщетно пробились въ сѣти часовъ около двухъ, а затѣмъ пришелъ человѣкъ и, увидавъ, что мы уже ослабѣли настолько, что опустили крылья и разинули рты, обрадовался и воскликнулъ:

— Ага! Поймались! Да какъ много!

И, побѣжавъ обратно, онъ привелъ съ собою еще двухъ человѣкъ, которые принесли большую клѣтку. Насъ хватили изъ сѣти прямо руками и сажали въ клѣтку. Отъ страха я не зналъ, что дѣлать. Всѣ мои мысли были только о моей подругѣ, я боялся съ ней разстаться и только и думалъ о томъ, какъ-бы быть съ ней рядомъ.

— Будь поближе ко мнѣ, шепнулъ я ей. — Не отбивайся отъ меня. Прижмись ко мнѣ тѣснѣе.

Слава Богу, мы попали въ клѣтку вмѣстѣ. Насъ оказалось въ ней

нѣсколько сотъ. Такъ велика была клѣтка. Но намъ въ ней было тѣсно, мы не могли уже летать и сидѣли въ ней всѣ рядомъ, плотно прижавшись одинъ къ другому, на жердочкахъ, которыя были сдѣланы одна надъ другой, такъ что было похоже на то, будто каждый задній рядъ выглядываетъ изъ-за передняго, точно зрители въ театрѣ. Затѣмъ насъ отнесли на берегъ, погрузили на пароходъ и повезли въ невѣдомые края. Мы видѣли надъ собой одно только небо, слышали, какъ все время шумѣли волны и какъ гдѣ-то далеко внизу, въ машинѣ, противно стучалъ винтъ. Отъ качки я чувствовалъ себя нехорошо, а моя подруга все время сидѣла рядомъ со мной, засунувъ голову подъ крыло, и ничего не ѣла. Это заставляло меня страдать.

— Ты больна? спрашивалъ я ее съ безпокойствомъ. — Тебѣ не хорошо?

Но она старалась меня успокоить и отвѣчала:

— Нѣтъ, ничего... я такъ...

Цѣлые два мѣсяца плыли мы на пароходѣ. Многіе изъ насъ погибли и мнѣ страшно было за себя и за свою подругу, какъ-бы не пришлось осиротѣть кому-нибудь изъ насъ двоихъ. Что бы я тогда дѣлалъ? Что бы дѣлала безъ меня она? Мы оба съ тоской смотрѣли на оставшихся въ живыхъ супруговъ, которые были теперь одни

и осуждены были [на грустное вдовство.

Насъ привезли въ Европу и выгрузили въ Марселѣ. Тотчасъ же явилось много покупателей, которые приобрѣтали насъ десятками, разсаживали въ небольшія клѣтки и увозили въ разныя стороны. Насъ купила какая-то дама только двоихъ и увезла къ себѣ въ имѣніе, находившееся въ глубинѣ материка. Какими страшными показались намъ шумъ большого города, трескотня домовыхъ по мостовымъ и затѣмъ громыханье вагона!

— Господи! вздыхала моя супруга. — Да когда же наконецъ кончится это утомительное путешествіе? Когда наконецъ мы приѣдемъ?

Мы приѣхали въ имѣніе нашей новой хозяйки рано утромъ. Свѣтило солнце, но уже далеко не такое ласковое, какъ у насъ на родинѣ въ Австраліи, и было такъ свѣжо, что мы дрожали. Хозяйка вошла къ себѣ въ домъ, гдѣ одна изъ комнатъ была вся стеклянная, какъ оранжерея, и вся была уставлена пальмами, — и выпустила насъ изъ клѣтки.

— Летайте на свободѣ! сказала она.

Но за эти два мѣсяца мы такъ уже разучились летать, что я упалъ на полъ и расшибъ себѣ грудь. Она подняла меня, посадила на вѣтку и я долго на ней прохворалъ. Но затѣмъ все обо-

шлось благополучно и для насъ потекла сравнительно сносная жизнь. Мы летали на свободѣ, имѣли много свѣта и достаточно корма, намъ вдвоемъ было нескучно и я даже сталъ пѣть. Такъ мы прожили съ полгода, вспоминая съ грустью о своей далекой родинѣ.

Попугайчикъ-неразлучка.

Затѣмъ моя подруга снесла шесть яичекъ и высидѣла изъ нихъ птенцовъ. Это были очаровательныя птички. Мы воспитывали ихъ уже не съ такимъ трудомъ, какъ на родинѣ въ Австраліи. Тамъ нужно было летать далеко за кормомъ и за водой, а здѣсь все было подѣ

рукой, и такъ было скучно безъ движенія! Я и жена рассказывали имъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекли лучшіе годы нашей жизни, но онѣ родились въ неволѣ, подѣ сѣрымъ небомъ и въ оранжереѣ, и совершенно не понимали того, о чемъ мы имъ говорили. Мы рассказывали имъ объ удивительномъ австралійскомъ солнцѣ, о свободныхъ полетахъ за десятки верстъ, о громадныхъ стаяхъ нашихъ родичей, а они слушали насъ съ удивленіемъ и лучше этой оранжереи для нихъ, казалось, не могло быть ничего.

Кто-то запустилъ въ нашу оранжерею камнемъ. Зазвенѣли стекла и посыпались въ осколкахъ на полъ. Мы испугались и забились въ уголъ.

— Что-бы это могло быть? спросила меня жена.

Но я не могъ ей отвѣтить. Въ образовавшееся отверстіе на меня вдругъ потянуло свѣжимъ воздухомъ, сердце во мнѣ забилось, мнѣ вдругъ неудержимо захотѣлось свободы и я захлопалъ крыльями и радостно защебеталъ.

— Знаешь, что? обратился я къ ней.—Давай бѣжимъ? Теперь или никогда!

Мы оба подлетѣли къ отверстию, заглянули въ него и не безъ страха вылетѣли на волю. Свѣтило солнце, было тепло, кругомъ зеленѣли рощи и поля и немного было похоже на нашу родину. Господи, съ какимъ

восторгомъ мы почувствовали себя въ волнахъ воздушнаго океана, съ какою безграничною радостью мы вдохнули въ себя свободный воздухъ и привѣтствовали эти поля, рѣчку и лѣса! Только тотъ, кто безвинно сидѣлъ въ тюрьмѣ, и можетъ понять наше счастье свободы.

Съ веселымъ пискомъ мы полетѣли черезъ усадьбу, черезъ засѣянные поля, черезъ лугъ и очутились наконецъ на опушкѣ лѣса.

— Здѣсь мы поселимся, сказала моя подруга.—Здѣсь точь-въ-точь какъ у насъ на родинѣ.

Мы нашли себѣ дупло въ деревѣ, поселились въ немъ, и не прошло еще и двухъ дней, какъ я уже сидѣлъ рядомъ со своей подругой на вѣточкѣ у входа въ это дупло и радостно распѣвалъ. Я былъ счастливъ и доволенъ.

Но судьбѣ было угодно рѣшить иначе.

Дни стали становиться почему-то все короче и короче, стали обнажаться деревья, задулъ холодный вѣтеръ и потянулася унылая, дождливая осень. Мы едва могли согрѣться въ своемъ дуплѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Потомъ залетали въ воздухъ бѣлыя мухи и вся земля покрылась какимъ-то удивительнымъ, бѣлымъ, пушистымъ ковромъ. Теперь мы уже не знали, какъ и согрѣться. Къ холоду прибавился и голодъ. Намъ нечего было ѣсть. По цѣлымъ днямъ мы сидѣли безъ ѣды,

поклевывая только замерзшія почки деревьевъ, и я съ ужасомъ замѣчалъ, какъ худѣла и ослабѣвала моя жена. Добывать тепла и ѣды было необходимо во что-бы то ни стало.

— Ты посиди здѣсь и подожди меня, обратился я къ подругѣ.— Не высовывайся изъ дупла. Быть можетъ, я принесу тебѣ чего-нибудь поѣсть.

И я полетѣлъ разыскивать ѣду. Но всѣ мои старанія оказались тщетными. То, что случилось мнѣ найти, у меня тотчасъ же отбивали воробы, я не могъ съ ними сладить и, озябшій и голодный, долженъ былъ возвратиться обратно. Но какъ я вернусь, думалъ я,— безъ зернышка для жены! Вѣдь она тоже хочетъ ѣсть и озябла!..

Съ полшуты я повернулъ въ сторону и полетѣлъ, куда глядѣли мои глаза. Морозъ крѣпчалъ и всѣ деревья были бѣлыя отъ инея. У меня озябли лапки, и я еле двигалъ крыльями. Но вотъ я увидалъ какую-то другую усадьбу съ большимъ бѣлымъ барскимъ домомъ и со множествомъ службъ, тѣснившихся на заднемъ дворѣ.

— Неужели я здѣсь не достану ничего? подумалъ я.

Подлетѣвъ къ дому, я замѣтилъ, что въ одномъ изъ его оконъ была открыта форточка для провѣтриванія. Я заглянулъ въ нее. Ахъ, какимъ пріятнымъ тепломъ повѣяло на меня изъ нея! На боль-

шомъ столѣ стояла еще неубранная посуда, очевидно, послѣ обѣда и по бѣлой скатерти были въ изобиліи разсыпаны крошки хлѣба. Крошки, крошки! Какъ давно я васъ не видалъ!

Я осмѣлился, влетѣлъ въ столовую, прыгнулъ на столъ и сталъ алчно клевать. Наклевавшись вдоволь для себя, я сталъ клевать еще и для супруги. Изъ сосѣдней комнаты слышались голоса, кто-то смѣялся, гдѣ-то, еще далѣе, на чемъ-то играли, но голодъ заставилъ меня позабыть обо всемъ и я все клевалъ и клевалъ. А затѣмъ я снова выпорхнулъ черезъ ту-же форточку и полетѣлъ обратно къ своей женѣ.

На слѣдующій день, въ тотъ-же самый часъ, мы уже оба были около этой усадьбы. Тотчасъ-же послѣ обѣда была опять открыта въ столовой та-же самая форточка, мы оба влетѣли въ нее и принялись за ѣду. Крошекъ на скатерти было вдоволь. Какъ вдругъ послышались чьи-то шаги и въ столовую вошла горничная. Увидѣвъ насъ прямо на скатерти, она всплеснула руками и закричала:

— Барышня, барышня! Идите-ка сюда скорѣй!

Мы оба испугались и стремглавъ бросились къ форточкѣ. Моей супругѣ удалось вылетѣть черезъ нее на воздухъ, но я обчелся разстояніемъ и ударился грудью прямо въ сосѣднее стекло. Голова

— До свиданія! Щастливого пути!

Любимцы.

у меня закружилась. Въ эту минуту горничная подбѣжала къ окошку, захлопнула форточку и стала ловить меня рукой. Я все еще продолжалъ биться о стекло. Она загнала меня въ уголокъ окна, схватила въ кулакъ и, довольная, слѣзла съ подоконника.

Вбѣжала дѣвочка лѣтъ одиннадцати.

— Что? Что такое? спросила она.

— Да вотъ птичка къ намъ влѣтѣла... отвѣтила горничная.—Я ее поймала... Какъ бьется у нея сердечко!..

Дѣвочка приняла меня отъ горничной, поднесла мой клювъ къ своимъ губамъ и стала меня поить слюной.

— Бѣдненькая! сказала она.— Но ей у насъ будетъ хорошо!

Я едва дышалъ отъ страха, но мысль, что моя подруга осталась одна, на холодѣ, безъ поддержки, заставляла меня страдать. Я сдѣлалъ усиліе, рванулся, дѣвочка неожиданно разжала кулакъ, я бросился опять къ окну, сильно ударился грудью о стекло и лишился чувствъ.

Когда я пришелъ въ себя, то увидалъ себя въ клѣткѣ. Я лежалъ въ ней на полу, около меня находились ящичекъ съ сѣменами и баночка съ водой. Значитъ, теперь я уже сталъ настоящимъ плѣнникомъ. Я еще долго просидѣлъ, нахохлившись, все никакъ не могъ попра-

виться отъ ушиба и отъ боли и отъ тоски ничего не ѣлъ. Вокругъ меня тѣсно стояли прутья моей клѣтки и все, что я могъ теперь дѣлать,—это было скучное прыганье съ жердочки на жердочку.

„Господи“, думалъ я, засунувъ голову подъ крыло,—„зачѣмъ людямъ нужны наши страданія? Для чего нужно было лишить насъ родины и привозить сюда въ чужіе края? Кому мы причиняли зло“.

Я поправился, но тоска по подругѣ не давала мнѣ покоя. Мнѣ хотѣлось, чтобы она была тутъ-же со мною, чтобы мы сидѣли здѣсь рядомъ и чувствовали около себя одинъ другого. И я сидѣлъ, нахохлившись, какъ шарикъ, на жердочкѣ и цѣлые часы не двигался съ мѣста. Дѣвочка ухаживала за мной. Она чистила сама мою клѣтку, сыпала кормъ и перемѣняла въ баночкѣ воду. Она была ласкова со мной и, повидимому, моя тоска причиняла ей горе.

— Ну, когда-же ты, наконецъ, поправишься? спрашивала она меня.—Ты все болѣешь и болѣешь... Чего тебѣ дать поклевать, чтобы тебѣ помогло?

Къ этой дѣвочкѣ приходилъ ея дядя. Она брала его всякій разъ за руку и подводила его къ моей клѣткѣ.

— Посмотри на мою птичку!.. говорила она.

Одинъ разъ дядя ей сказалъ:

— Эта птичка издохнетъ! Вѣдь это — неразлучка! Неразлучки всегда живутъ парочками и одинъ безъ другого умираютъ!

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? спросила дѣвочка.

— А ты поставь въ клѣтку зеркало! посовѣтовалъ ей дядя.

Онъ ушелъ, а она достала откуда-то кусокъ зеркальца и поставила его ко мнѣ въ клѣтку. Я увидалъ въ немъ свое изображеніе, подумалъ, что это впустили ко мнѣ мою подругу, и тѣсно прижался къ ней плечомъ. Чѣмъ тѣснѣе я прижимался къ зеркальцу, тѣмъ тѣснѣе прижималось ко мнѣ и мое изображеніе. Я былъ внѣ себя отъ радости. Но эта моя отражавшаяся подруга какъ-то сразу ко мнѣ перемѣнилась: она не разговаривала со мной, ея плечо было холодное и не согрѣвало меня, я догадывался, что здѣсь была какая-то ошибка, но самая мысль, что рядомъ со мной, хотя и въ зеркалѣ, была моя подруга, наполняла мое сердце радостью; я уже не отходилъ отъ зеркала и цѣлые часы оставался около него, прижавшись къ своему изображенію. О томъ, что это было только изображеніе и больше ничего, я догадался очень скоро. Моя клѣтка стояла на томъ-же самомъ окнѣ въ столовой, гдѣ меня и поймали. Я сидѣлъ у зеркала и думалъ о своей родинѣ, какъ вдругъ кто-то забился по ту

сторону окна у стекла. Я взглянулъ, да такъ и обомлѣлъ отъ восторга: это была моя настоящая подруга! Она прилетѣла ко мнѣ, она билась въ стекло, чтобы пробраться ко мнѣ, чтобы раздѣлить со мною мою участь.

— Сюда! Скорѣй! закричалъ я по-своему изъ всѣхъ силъ.—Отprite поскорѣе окошко! Впустите ее скорѣй сюда!

Должно быть, я кричалъ такъ звонко, что это удивило даже мою маленькую хозяйку. Дѣвочка и горничная вбѣжали ко мнѣ и стали меня оглядывать со всѣхъ сторонъ. Моя подруга испугалась ихъ и улетѣла.

— Чего ты пицишь? обратилась ко мнѣ дѣвочка.

— Это она обрадовалась солнцу, сказала горничная.—Значить, скоро будетъ весна.

Онѣ постояли еще около меня и ушли.

Съ тѣхъ поръ моя подруга стала прилетать ко мнѣ каждый день. Она садилась на желѣзкѣ по ту сторону окна и махала мнѣ крылышками, а я звонко кричалъ ей изъ моей тюрьмы, точно она могла меня услышать черезъ окно.

А затѣмъ случилась безмѣрная радость. Какъ-то пришли къ намъ полотеры и стали натирать въ столовой полы. Они отворили форточку и меня обдувало сквознымъ вѣтромъ. Я ежился, прыгалъ съ жердочки на жердочку и никакъ

не могъ согрѣться. И вдругъ ко мнѣ черезъ форточку влетѣла моя подруга и сѣла ко мнѣ на клѣтку.

— Здравствуй! сказала она.

Я думалъ, что умру отъ радости. Я забылъ обо всемъ и весело защебеталъ. Я сталъ биться о прутья клѣтки, но они были крѣпки, и я не могъ вылетѣть на свободу. Моя гостыя также не могла попасть ко мнѣ въ клѣтку. Послѣ долгихъ стараній, оба безъ ума отъ радости, мы прижались черезъ прутья клѣтки одинъ къ другому и стали цѣловаться.

— Гдѣ ты все это время была? спрашивалъ я ее.—Какъ ты не погибла отъ холода и безъ ѣды?

Она рассказывала мнѣ, какъ, разставшись со мной, долго не могла успокоиться и какъ влетѣла потомъ въ конюшню и прожила все это время около лошадей. Но какъ мы оба перемѣнились! Она была худа и безъ многихъ перьевъ, а я былъ грязенъ и у меня не было уже хвоста. Какъ неволя портитъ живыя существа! Послѣ тропическаго австралійскаго лѣса— и вдругъ въ конюшню и въ клѣтку!

Никто не замѣтилъ, какъ ко мнѣ прилетѣла моя подруга! Полотеры сдѣлали свое дѣло и ушли, горничная затворила форточку, а мы сидѣли прижавшись другъ къ другу—я въ клѣткѣ, а моя подруга снаружи, и мнѣ уже и въ голову не приходило поглядѣться

на себя въ зеркало. Затѣмъ пришла моя маленькая хозяйка. Увидѣвъ насъ вдвоемъ, она всплеснула руками, вскрикнула и побѣжала въ сосѣдную комнату.

— Идите сюда скорѣй! Закричала она изъ всѣхъ силъ.—Посмотрите сюда! вмѣсто одной птички— у меня теперь ихъ двѣ!

Съ того времени, какъ были полотеры, прошло уже часа два, и появленіе въ столовой моей подруги дѣйствительно могло показаться чудомъ. Всѣ сбѣжались, съ удивленіемъ стали оглядывать меня и мою подругу, дѣлали предположенія и кончилось дѣло тѣмъ, что и ее посадили ко мнѣ въ клѣтку. Теперь для меня страданія убавились наполовину: она была со мной, была сыта, мы опять были вмѣстѣ, но я не могъ не замѣтить, что здоровье ея пошатнулось. Она скоро потеряла свой хвостъ, стала нахохливаться и прятать голову подъ крыло. Я со страхомъ оглядывалъ ее, но что могъ я сдѣлать въ клѣткѣ и на чужбинѣ, гдѣ невозможно было полетать и расправить себѣ крылья и гдѣ было такъ холодно на воздухѣ, что можно было замерзнуть?

— Какъ мнѣ хочется туда!.. вздохнула разъ моя супруга.

— Куда? спросилъ я ее съ безпокойствомъ.

— Домой... Къ себѣ на родину... Мнѣ и самому хотѣлось домой. О, сколько бы я далъ, чтобы только

сломать эти равнодушные, безжалостные прутья моей клѣтки и улетѣть куда-нибудь далеко-далеко, гдѣ-бы хоть немного было похоже на нашу австралійскую жизнь!

Прошли три мѣсяца, въ которые поздно разсвѣтало и рано начинало темнѣть, а затѣмъ наступила весна. Засвѣтило ярче солнце, сталъ таять снѣгъ, побѣжали ручьи и самое это весеннее настроеніе въ природѣ передалось и намъ и мы весело защебетали.

— Хотятъ на волю!.. сказала горничная. — Наступаетъ весна! Всякая тварь радуется.

Прошелъ еще мѣсяць и въ полисадникѣ передъ моимъ окошкомъ показала травка и на деревьяхъ стали бухнуть и распускаться почки. вмѣстѣ съ дыханіемъ весны засуетились и люди. Послышалось мычаніе скота, заигралъ рожокъ пастуха, работники стали налаживать земледѣльческія орудія и телѣги. А у насъ, въ домѣ, тоже захлопотали. Дѣвушка-горничная и лакей вытащили откуда-то сундуки и чемоданы, стали въ нихъ укладывать различную одежду, моя маленькая хозяйюшка и ея мать просто сбились съ ногъ, собираясь куда-то въ дорогу, а я и моя подруга, радуясь теплу и солнцу, старались перекричать всѣхъ своимъ щебетаньемъ и пискомъ.

— Теперь уже скоро! говорила

намъ наша хозяйюшка.—Потерпите еще немного, а потомъ...

Но она не договаривала, что именно должно было послѣдовать „потомъ“, а мы не догадывались.

Но вотъ уже насталъ день отъѣзда. У крыльца стоитъ экипажъ и побрякиваетъ бубенчиками. Горничная и лакей выносятъ вещи. Наша маленькая хозяйюшка и ея мать, уже одѣтыя въ дорогу, обходятъ всѣ комнаты и отдають послѣднія приказанія.

— Такъ вы пишите-же намъ аккуратно! говорила мать лакею.— Какъ только мы приѣдемъ въ Италію, такъ я тотчасъ-же пришлю вамъ телеграмму. Берегите птичекъ.

— Какъ, мама? восклицаетъ вдругъ дѣвочка.—Развѣ мы не возьмемъ птичекъ съ собою?

И, не дожидаясь ея отвѣта, она подходитъ къ окну, беретъ нашу клѣтку вмѣстѣ съ нами и выносить насъ на воздухъ. Мать ей не возражаетъ. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ мы вдохнули въ себя свѣжій, чистый, весенній воздухъ! Какъ мнѣ захотѣлось вдругъ полетать, расправить крылья, сидѣть на зеленыхъ вѣтвяхъ деревьевъ!

Затѣмъ экипажъ трогается, мы ѣдемъ на станцію желѣзной дороги и мнѣ и моей супругѣ страшно, что наша клѣтка качается и что мы никакъ не можемъ удержаться на жердочкѣ.

— Напрасно ты ихъ съ собой везешь! говоритъ дѣвчкѣ мать. — Вѣдь они тебя стѣсняютъ!

Нѣсколько сутокъ въ душномъ вагонѣ, затѣмъ Италія. Чудный климатъ, кипарисы, магноліи, цвѣтушія глициніи и розы, издалека доносится ласковый прибой морскихъ волнъ и надъ головою голубое, прекрасное небо, точно такое-же, какъ и у насъ въ Австраліи. Дѣвочка выноситъ насъ въ садъ, ставитъ нашу клѣтку на диванчикъ около розоваго куста и отворяетъ дверцу.

— Летите! говоритъ она намъ. — Вы свободны! Теперь вы можете летать вездѣ!

Но мы не вѣрили своему счастью и въ то же время не довѣряли своимъ крыльямъ. Мы такъ долго протомились въ неволѣ!

— Вылетайте же! продолжаетъ дѣвочка. — Чего боитесь! Здѣсь никогда не бываетъ зимы!

Мы оба выпорхнули изъ клѣтки и едва имѣли силъ долетѣть до перваго дерева. Безграничное счастье свободы охватило насъ цѣликомъ, мы радостно засвистали, защебетали и стали расправлять себѣ крылья. Затѣмъ мы стали перепрыгивать съ вѣтки на вѣтку, пока не набрались достаточно силъ, и все время дѣвочка стояла около клѣтки и смотрѣла въ нашу сторону. Потерявъ наконецъ насъ изъ виду, она оставила клѣтку на диванчикѣ и ушла къ себѣ въ гостиницу.

Мы попрыгали еще немного въ вѣтвяхъ дерева и затѣмъ полетѣли далеко. Съ какимъ восторгомъ мы понеслись по безграничнымъ воздушнымъ волнамъ, утопая въ голубой синевѣ воздуха и радуясь своему счастью!

Я не помню, какъ мы провели остатокъ того дня и нашу первую ночь на волѣ. Это было какое-то удивительное счастье, которому не было границъ и отъ котораго все смѣшалось въ нашемъ представленіи. Я помню только, что спустя нѣкоторое время насъ куда-то потянуло еще южнѣе, что-то подсказывало намъ, что тамъ, дальше, для насъ будетъ еще лучше, и мы все летѣли и летѣли на югъ и вотъ увидѣли наконецъ подъ собою громадное Средиземное море. Вотъ ужъ и Алжиръ съ его бѣлыми, какъ снѣгъ, селеніями, вотъ ужъ Марокко и какія-то горы, а мы все летѣли и летѣли и остановились только тогда, когда увидѣли себя уже въ тропическомъ лѣсу. Высоко, подъ самымъ небомъ, шелестятъ листвою пальмы, съ великолѣпныхъ деревьевъ спускаются ліаны, въ вѣтвяхъ шумятъ обезьяны и летаютъ попугаи и какіе-то диковинные звѣри ходятъ внизу и мирно щиплютъ траву.

— Давай остановимся здѣсь! обращается ко мнѣ жена. — Кажется, здѣсь намъ будетъ хорошо!

Мы опускаемся и садимся на вѣтку какого-то дерева. Никто не

замѣчаетъ нашего появленія, каждое изъ животныхъ и изъ птицъ занято своимъ счастьемъ и никому изъ нихъ нѣтъ дѣла ни до кого. Мы выбираемъ себѣ на опушкѣ дерево около такого-же поля, какъ и у насъ въ Австраліи, и начинаемъ долбить себѣ дупло.

Здравствуй, новая родина! Какова-то будетъ теперь наша жизнь?

Что-то подсказываетъ намъ, что здѣсь намъ будетъ хорошо и что счастье и радость ожидаютъ насъ впереди. Но сколько-бы мы дали, чтобы только очутиться сейчасъ въ Австраліи и быть тамъ, гдѣ протекли наши дѣтство и гдѣ теперь цѣлыми стаями летали такіе-же попугайчики-неразлучки, какъ и мы!

С. Вершининъ.

НА ДАЧѢ.

Какъ хорошо и какъ привольно	Жужжать жуки, летаютъ мушки,
Гулять по полю и въ лѣсахъ,	Настала милая весна,
Какъ пѣсня жаворонка вольно	Была гроза, кричатъ лягушки
Звучить въ безбрежныхъ небесахъ!	И зацвѣтаетъ бузина.

Теперь не страшны намъ метели
И бури сѣверной зимы,
Къ намъ птицы съ юга прилетѣли,
Ужъ цѣлый день гуляемъ мы!..

Ж. С.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

Разсказъ моей прабабушки.

(Продолженіе).

Итакъ,—Ольдкорты уѣхали въ разсчитывала у нея бывать. Котеплые края и ихъ усадьба Прери да я плакала по этому поводу, то опустѣла. Неожиданность ихъ отъ папа сказалъ:
— Я очень радъ, что это такъ
ѣзда, конечно, больше всѣхъ разочаровала меня, такъ какъ, позна- случилось. Ни къ чему такъ лег-
комившись съ г-жей Ольдкортъ, я ко человекъ не привыкаетъ, какъ

Молоденькій пингвинь.

Маленькій поварь.

къ подаркамъ и къ роскоши. А въ Прери ты навѣрное получала-бы подарки и привыкала-бы къ богатству.

А затѣмъ я слышала, какъ мама и папа долго высчитывали по пальцамъ, когда именно Ольдкорты провели зиму въ теплыхъ краяхъ и когда въ Лондонѣ. Они всегда уѣзжали куда-нибудь на зиму, но не такъ сразу, какъ теперь. Мама настаивала на томъ, что семь лѣтъ тому назадъ они тоже уѣзжали въ Италию, а папа, наоборотъ, доказывалъ, что въ Лондонѣ.

— Ну, что ты меня оспариваешь! возразила мама. — Подумай-ка хорошенько! Еще тогда около нашихъ развалинъ ты поднялъ какого-то человѣка въ безсознательномъ состояніи!

— Ахъ, да, да! согласился и папа. — Я это припоминаю! Онъ еще такъ настаивалъ на томъ, чтобы повидаться съ Ольдкортомъ и такъ былъ огорченъ, что ихъ уже не засталъ!.. Онъ такъ крѣпко, помню, прижималъ къ себѣ своего ребеночка...

— Какого ребеночка? вмѣшалась я въ ихъ разговоръ.

— Да это, Сонечка, было уже давно, отвѣтила мама, — еще семь лѣтъ тому назадъ! Ты тогда еще была мала!

Но увидѣвъ, что ее окружили уже всѣ мы, заинтересовавшись этой исторіей, она продолжала:

— Вотъ какъ было дѣло. Мы съ

папой сидѣли дома и читали библію. Стояла зима, и на дворѣ была такая снѣжная вьюга, что нельзя было высунуть носа изъ двери. Какъ вдругъ я услышала какой-то голосъ. Онъ донесся до насъ отъ развалинъ. — „Оливеръ, обратилась я къ папѣ, — вѣдь это кто-то зоветъ на помощь!“ Онъ прислушался и отвѣтилъ: — „Это, Фреда, тебѣ такъ показалось. Ну, кому охота такъ поздно ночью и въ такую метель ходить около развалинъ?“ Но я не успокоилась. Вы всѣ уже спали, можно было-бы послать къ развалинамъ Вольфа, но мнѣ было жаль его будить. Какъ вдругъ призывъ о помощи послышался опять. На этотъ разъ уже вздрогнулъ и вашъ папа. — „Да, это кто-то зоветъ на помощь!“ всполошился онъ. — „Это около самыхъ развалинъ!“ И какъ я его ни удерживала, онъ вскочилъ, зажегъ фонарь, одѣлъ плащъ и одинъ, безъ шапки, выскочилъ на воздухъ. — „Оливеръ, вернись, вернись!“ закричала я ему вслѣдъ, но онъ такъ и исчезъ въ ночной темнотѣ. Ну, а теперь, что было дальше, расскажетъ вамъ уже самъ папа!“

Папа откашлялся и продолжалъ:

— Я выбѣжалъ на воздухъ. Вѣтеръ такъ меня и подхватилъ и погналъ вмѣстѣ со снѣгомъ. Гудѣли голыя деревья. Было такъ темно, что если-бъ не фонарь, то можно было-бы наткнуться на ка-

кой-нибудь столбъ или заборъ. Я бѣжалъ къ развалинамъ и все время въ нихъ слышался чей-то призывный стонъ. Сначала я думалъ, что это волкъ, но потомъ убѣдился, что это кричалъ человѣкъ. Я поспѣшилъ. Помню еще,—у меня за голенище сапога насыпался снѣгъ и мнѣ было холодно. Подхожу къ развалинамъ и вдругъ, у самой вѣршной ихъ стѣны, какъ разъ почти около того мѣста, гдѣ Соня нашла кубокъ, вижу при свѣтѣ фонаря какой-то темный предметъ. Я наклоняюсь и ошупываю его. Это—человѣкъ.—„Очнитесь!“ говорю я ему.—„Что съ вами? Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь?“ Онъ что-то лепечетъ мнѣ въ отвѣтъ на французскомъ языкѣ.—„Вы сбились съ пути!“ говорю я ему.—„Вѣдь дорога не здѣсь! Она осталась много правѣ!“ Тогда онъ поднимается и отвѣчаетъ мнѣ на чистомъ французскомъ языкѣ:—„Я иностранецъ. Я здѣсь чужой. При мнѣ моя сиротка—дочь. Вотъ она. Возьмите ее, иначе она замерзнетъ вмѣстѣ со мною!“ И онъ протянулъ ко мнѣ ребеночка, лѣтъ двухъ, который не то крѣпко спалъ не то уже замерзъ. Я схватилъ ребеночка и побѣжалъ съ нимъ домой. А теперь продолжай, Фреда, ты!“

Мама, которая всегда была чувствительна, отерла кончикомъ чепца наввернувшіяся слезы.

— Когда вашъ папа вернулся

домой со своей драгоценной ношей на рукахъ, продолжала она,—то я даже окаменѣла отъ испуга.—„Возьми поскорѣе ее и отогрѣй,“ крикнулъ онъ мнѣ,—„а я пойду за ея отцомъ!“ Онъ сунулъ мнѣ въ руки какой-то узелъ, а самъ, разбудивши работника Митчеля, снова побѣжалъ съ нимъ къ развалинамъ. Скоро они вернулись обратно и внесли вотъ въ эту самую комнату какого-то неизвѣстнаго полузамерзшаго человѣка. Пока они хлопотали надъ нимъ, я занялась ребеночкомъ. Дѣвочкѣ было не болѣе двухъ лѣтъ!. Ахъ, какое это было прелестное дитя! Точно ангелочекъ! Она оказалась совершенно невредимой и когда я ее разбудила, то она весело мнѣ заулыбалась. А тѣмъ временемъ пришелъ въ себя и ея отецъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что это былъ французъ, потому что онъ говорилъ только по-французски.—„Кто вы?“ спросилъ его вашъ папа. Но тутъ, Оливеръ, ты самъ можешь рассказать дѣтямъ гораздо лучше, чѣмъ я!

— „Кто вы?“ спросилъ я у этого незнакомца по-французски, началъ папа.—Онъ мнѣ отвѣтилъ:—„Я голоденъ, я давно уже не ѣлъ, дайте намъ поѣсть!“ Когда ваша мама накормила его и напоила его дочь молочкомъ, то я снова спросилъ его, кто онъ? Но онъ помялся и отвѣтилъ:—„Мнѣ совѣстно, что на ваше довѣрiе я

отвѣчу вамъ скрытностью. Но я обязанъ это сдѣлать. Я не скажу вамъ, кто я такой, такъ какъ это можетъ лишить мою дочь ея богатства.“ Онъ весь былъ въ лохмотьяхъ и эти его слова показались мнѣ странными.—„О какомъ богатствѣ вы говорите?“ спросилъ я его.—„О моемъ собственномъ,“ отвѣтилъ онъ.—„Если я сейчасъ открою вамъ, кто я такой, и если объ этомъ кромѣ васъ узнаетъ еще кто-нибудь и другой, то меня схватятъ и посадятъ въ тюрьму, а мою дочь лишатъ наслѣдства“. Я посмотрѣлъ на него и мнѣ показалось, что онъ могъ быть сумасшедшимъ или бредилъ.—„Почему вы оказались въ нашихъ краяхъ?“ спросилъ я его.—„Мнѣ нужно было повидаться съ Джемсомъ Ольдкортомъ и его женой, отвѣтилъ онъ,—и передать имъ одну вещь, которая сдѣлала-бы мою дочь богатой. Я самъ нищъ и много выстрадалъ и мнѣ стало жалко мою дочь, которая неповинна ни въ чемъ и принуждена раздѣлять со мною мою бѣдность. Мнѣ это тяжело...“ — „Но вѣдь Ольдкортъ ухалъ съ женой въ Италию,“ продолжалъ я, — „не желаете-ли вы, чтобы я передалъ ему эту вещь, когда онъ вернется?“ Но французъ вздохнулъ и грустно отвѣтилъ:—„Сейчасъ этой вещи уже со мной нѣтъ!“ Я ничего не могъ понять и пересталъ его спрашивать. Онъ показался мнѣ

ненормальнымъ. И мнѣ, и вашей мамѣ стало жалко его маленькую дочурку и мы оба сказали: — „Оставьте намъ ваше дитя, мы его будемъ любить и ласкать!“ Но онъ отвѣтилъ:—„Не могу; она для меня все; безъ нея я умру; она во всемъ напоминаетъ мнѣ свою покойную мать“. Затѣмъ онъ сталъ собираться въ путь.—„Куда-же вы?“ спросилъ я его.—„Останьтесь, переночуйте у насъ до утра!“ Но онъ объ этомъ не хотѣлъ и слышать.—„Нѣтъ, благодарю васъ,“ отвѣтилъ онъ.—„Мнѣ надо бѣжать. Надо мною тяготѣть приговоръ и если узнаютъ, что я былъ у васъ, то достанется и вамъ. Умоляю васъ, не говорите никому, что я у васъ былъ! Обѣщайте мнѣ это ради Всевышняго Творца!“ Мы пообѣщали, онъ взялъ ребенка и ушелъ,—и съ тѣхъ поръ мы его не видали. Кто былъ этотъ таинственный посѣтитель, такъ мы и не узнали ничего. Но мы обѣщали ему молчать и вотъ скрыли это даже отъ васъ...“

— Ну, и что-же было потомъ? спросила я, заинтересовавшись всей этой исторіей.

— Да ровно ничего, отвѣтилъ отецъ.—На слѣдующее утро я сходилъ въ усадьбу Прери и стороной и намеками сталъ спрашивать у привратника. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что вчера вечеромъ дѣйствительно приходилъ туда какой-то оборванецъ съ ребенкомъ на

рукахъ и попросилъ, чтобы о немъ доложили Ольдкортъ. Когда привратникъ сообщилъ ему, что Ольдкортъ съ женой уѣхали въ Италию, то онъ такъ разстроился, что даже заплакалъ. Затѣмъ онъ направился въ сторону развалинъ и больше его привратникъ уже не видалъ.

— А ты рассказывалъ потомъ объ этомъ Ольдкортъ? спросилъ папу Вольфъ.—Ты ходилъ къ нему, когда онъ возвратился потомъ изъ Итали?

— Ну, конечно! отвѣтилъ папа.—Я сходилъ къ нему тогда-же и сказалъ ему, что безъ него приходилъ здѣсь какой-то неизвѣстный человѣкъ съ дѣвочкой, который очень желалъ его видѣть.

— Ну, и что-же Ольдкортъ?

— Онъ отвѣтилъ, что никакого такого человѣка не знаетъ.

— Но вѣдь ты рассказалъ ему про богатства и про какую-то вещь, которую этотъ незнакомецъ хотѣлъ ему передать.

— Какъ-же я могъ рассказать ему объ этомъ, отвѣтилъ папа,—когда я и ваша мать дали ему обѣщаніе обо всемъ молчать?

Мы были неудовлетворены этимъ отвѣтомъ и, недовольные, отправились спать; было уже поздно и, какъ и тогда, дулъ зимній вѣтеръ и шелъ снѣгъ. Но я еще долго лежала подъ одѣяломъ и думала объ этомъ иностранцѣ и его ребенкѣ.

„Кто-бы это могъ быть?“ поду-

мала я.—„И почему этотъ человѣкъ не захотѣлъ себя назвать?“

Но время и разныя домашнія занятія сдѣлали свое дѣло, и я скоро забыла обо всемъ.

Прошли двѣ недѣли, въ которыя еще прочнѣе установилась зима. Она была въ тотъ годъ какъ-то необыкновенно жестока. Морозы крѣпчали съ каждымъ днемъ. Всѣ деревья были въ инеѣ. Каждое утро всходило багровое солнце и такимъ-же багровымъ и заходило въ три часа дня. Было жаль смотрѣть на бѣдныхъ воробьевъ и снигирей, нахохлившихся отъ стужи и просившихъ у нашихъ оконъ ѣсть. Отъ сильныхъ морозовъ стѣны развалинъ трескались и изъ нихъ сами собой стали вываливаться камни. Папа запретилъ намъ близко подходить къ нимъ, да все равно это было и невозможно, такъ какъ снѣгъ былъ настолько глубокъ, что нельзя было пройти не только черезъ поле, но и по дорогѣ. Какъ на грѣхъ, простудился папа и слегъ. У него былъ такой жаръ, что онъ вскакивалъ въ бреду и дико озирался по сторонамъ. Это насъ всѣхъ пугало и мы, дѣвочки, очень горько плакали вмѣстѣ съ мамой. Затѣмъ папа сталъ сильно кашлять и задыхался при этомъ такъ, что было жаль и страшно на него смотрѣть. Все въ домѣ приуныло и вечера казались безнадежно-длинными и скучными. Чтобы не беспокоить папу,

который всѣ вечера проводилъ въ дремотѣ, мы всѣ стали собираться въ самой дальней комнатѣ и здѣсь работали и вели свои разговоры. Едва только наступали сумерки и зажигались въ домѣ свѣчи, какъ я и сестра-Нелли шли уже въ эту комнату, садились въ уголокъ и начинали озябшими пальцами вязать. Домъ у насъ былъ старый и холодный, а въ эту зиму мы всѣ положительно дрожали. Тотчасъ же за нами тянулись туда же и мальчики. Мы всѣ, по дѣтски, начинали ворчать на холодъ и на то, что наши печи не держали тепла. Болѣе всѣхъ ворчалъ, конечно, Джимъ. Онъ всѣмъ былъ недоволенъ и готовъ былъ ссориться со всѣми нами каждую минуту. Онъ вслухъ высказывалъ свое неудовольствіе, громко говорилъ о притѣсненіяхъ, которыя будто-бы испытывалъ въ нашей семьѣ, и жаловался на то, что будто-бы мы всѣ его не любили. Вольфъ, напротивъ, въ эти дни какъ-то ушелъ весь въ себя и цѣлыми часами молчалъ. Было замѣтно, что его, какъ старшаго въ семьѣ, очень беспокоили болѣзнь отца и неизвѣстное будущее семьи. Маленькіе братишки часто дрались и таскали другъ друга за волосы и безъ отца некому было ихъ унять. Вообще болѣзнь отца чувствовалась всѣмъ домою и въ каждомъ пустякѣ. У мамы все время глаза были красны отъ слезъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда мы собрались въ этой комнатѣ только четверо старшихъ, Джимъ сѣлъ на уголь стола и, болтая ногами, сталъ съ развязностью говорить. Онъ всегда говорилъ такимъ тономъ, что мы боялись ему возражать.

— Знаете что, друзья мои? началъ онъ.—Вѣдь дѣло-то, кажется, плохо. Вашъ отецъ, кажется, того...

Мы всѣ вздрогнули и насторожились.

— Развѣ ты думаешь, что онъ уже не поправится? спросила я со страхомъ.

Сидѣвшій на подоконникѣ Вольфъ, поднявъ глаза отъ книги и молча уставился на Джима.

— Поэтому-то я и хочу поговорить съ вами откровенно, продолжалъ Джимъ.—Ну, какой Вольфъ сельскій хозяинъ? Ему въ пору идти только въ попы! Гдѣ ужъ тутъ ему управлять хуторомъ?

— Да ты это о чемъ? возмутилась я.—Ужъ не думаешь ли ты отнять этотъ хуторъ у Вольфа?

— Отнять я вовсе не думаю, продолжалъ Джимъ,—но все-таки было бы лучше рѣшить этотъ вопросъ заранѣе.—Если бы Вольфъ отказался отъ хутора и передалъ его послѣ смерти вашего отца мнѣ, то я прокормилъ бы всѣхъ васъ лучше его. А вѣдь онъ не сумѣетъ и пустить васъ всѣхъ по міру...

Вольфъ всталъ, закрылъ книгу, подошелъ къ Джиму и спокойно сказалъ:

— Неприлично, Джимъ, дѣлать имущество отца, когда онъ еще не умеръ! Это только можетъ показать, что ты или золь, или же глупъ! Я думаю, что послѣднее.

Джимъ вскочилъ и, сжавши кулаки, бросился на Вольфа.

— Ты не смѣешь называть меня дуракомъ! воскликнулъ онъ.

Я и Нелли кинулись между ними и хотѣли ихъ разнять. Но ссора двоюродныхъ братьевъ зашла слишкомъ далеко, Вольфъ не стерпѣлъ и, схвативъ Джима за шиворотъ, отшвырнулъ его далеко отъ себя на диванъ. Джимъ вскочилъ и снова бросился на Вольфа; Вольфъ снова отшвырнулъ его отъ себя на диванъ. Я и Нелли стали горько плакать и умолять братьевъ разойтись. Это была первая ссора въ нашемъ домѣ и я не могла ея допустить.

— Перестань, Джимъ! взвизнула я. — Ты гадкій, злой мальчикъ! Я не люблю тебя. Ты такъ и ищешь, какъ бы съ кѣмъ-нибудь затѣять ссору, или къ кому-нибудь придраться! Папа боленъ, а ты не жалѣешь насъ и говоришь такія ужасныя вещи! Перестань же немедленно, иначе я буду плакать. Я не люблю тебя!

— Ну, такъ хорошо-же! крикнулъ Джимъ.—Если вы не любите меня, если я здѣсь для васъ

чужой, то я знаю, какъ мнѣ поступить! Я знаю, что мнѣ дѣлать!

И онъ выскочилъ въ переднюю, быстро снялъ съ вѣшалки пальто, надѣлъ его и, хлопнувъ дверью, вышелъ на улицу.

— Кто это тамъ такъ хлопаетъ дверью? крикнула изъ дальней комнаты мама.—Даже стекла звенять!

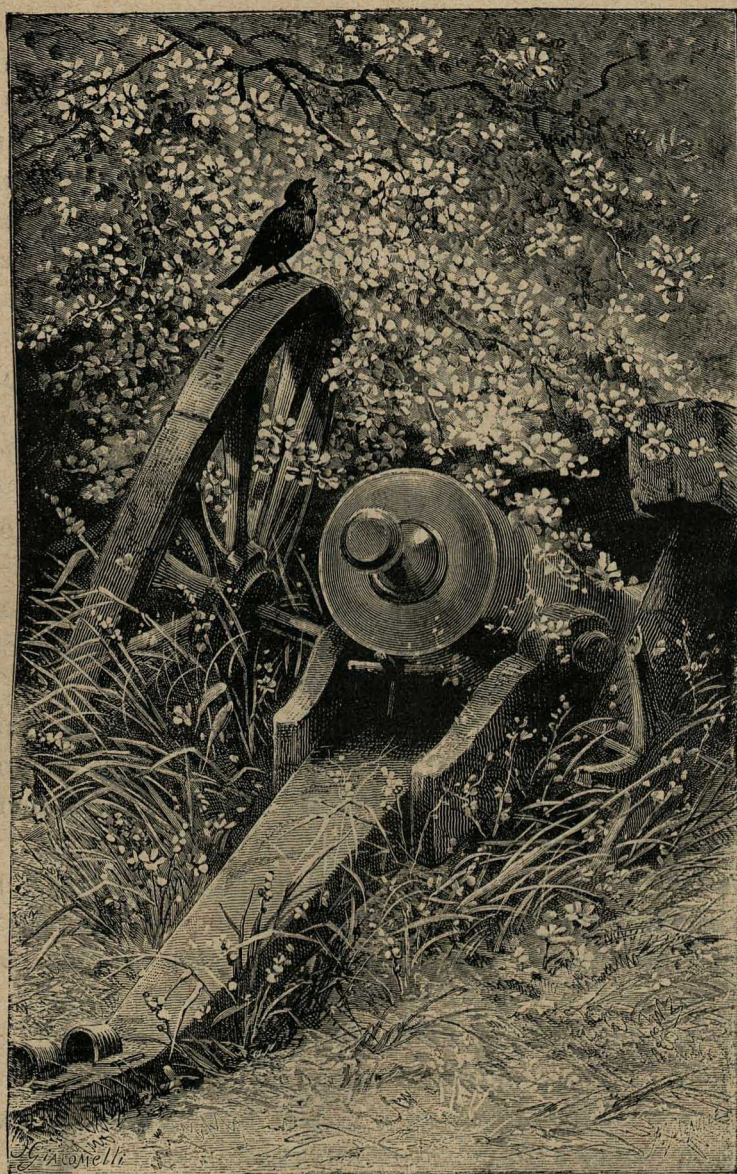
Мы долго молчали послѣ этого, а потомъ успокоились и вышли къ чаю. Мы тотчасъ же замѣтили, что мама какъ-то сразу вдругъ повеселѣла. Оказалось, что папѣ полегчало. Кризисъ миновалъ благополучно и теперь онъ долженъ скоро поправиться. Мы всѣ обрадовались, бросились къ нему въ спальню и въ первый разъ за все это время, онъ разговаривалъ съ нами и даже шутилъ. Но, Боже мой, какъ онъ измѣнился! Какъ онъ похудѣлъ и какъ ввалились у него глаза! Мнѣ было жалко на него глядѣть. Но какъ-бы то ни было, теперь намъ нечего было опасаться: онъ будетъ здоровъ. И весь тотъ вечеръ, до той самой поры, какъ намъ идти ложиться спать, мы были веселы и въ нашемъ жилищѣ вновь залетали ангелы благополучія и мира.

— А что же Джимъ не ложится спать? спросила вдругъ мама, пришедшая по обыкновенію проститься съ нами на ночь. — Гдѣ онъ? Его кровать пуста!

Мы встрепенулись. Въ самомъ

Въ дождь.

Тамъ, гдѣ была война...

дѣлѣ, гдѣ могъ быть Джимъ? Со времени ссоры прошли уже добрыхъ три часа, а онъ все еще не возвращался. Мы даже о немъ забыли.

— Не безпокойся, мама, отвѣтилъ изъ сосѣдней комнаты Вольфъ, — онъ придетъ. Онъ одѣлся и вышелъ погулять.

— Охъ, ужъ этотъ Джимъ!.. вздохнула мама. — И все-то у него не такъ, какъ у другихъ! Всѣ люди, какъ люди, одинъ онъ въ колпакѣ! И выдумалъ же на ночь гулять!

Она вышла и мы скоро всѣ заснули. Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что Джимъ такъ и не приходилъ. Настало утро, мы сѣли пить чай, а онъ такъ и не возвратился домой.

— Ну, что теперь дѣлать? ужасалась мать. — Гдѣ его искать? Что я теперь скажу вашему отцу?

— Напрасно ты, мама, такъ тревожишься, сказалъ Вольфъ. — Онъ уже не дитя, ему уже шестнадцать лѣтъ. Нагуляется и придетъ.

Но мы всѣ встрепенулись и почувяли недоброе. Въ особенности я боялась, какъ бы объ исчезновеніи Джима не узналъ папа. Это могло бы ему повредить. И каждый часъ мы ожидали, что вотъ-вотъ откроется дверь и въ ней появится съ виноватой фізіономіей Джимъ. Но часы проходили за часами, наступилъ вечеръ, потомъ ночь, потомъ опять утро, —

а онъ такъ и не возвратился. Теперь ясно было, что если онъ гдѣ нибудь не погибъ, то убѣжалъ. Вольфъ встревожился, сходилъ въ полицію и заявилъ объ его исчезновеніи. Затѣмъ, вечеромъ, мы долго держали съ мамой совѣтъ. Рѣшили ничего папѣ не говорить.

— А тѣмъ временемъ, быть можетъ, Джимъ найдется! сказала Вольфъ. — Нельзя же папу безпокойть! Это можетъ ему повредить!

И пока папа выздоравливалъ, мы не говорили ему ничего. А когда онъ выздоровѣлъ и сталъ уже ходить по всѣмъ комнатамъ, то о Джимѣ все еще не было слышно ничего. Такъ онъ и канулъ въ воду, точно иголка. Не смотря на принятыя Вольфомъ и мамой мѣры, такъ его нигдѣ и не нашли, и насъ ужасала мысль о томъ, что и какъ мы отвѣтимъ нашему папѣ, когда онъ спроситъ насъ о Джимѣ?

И онъ, наконецъ, догадался, замѣтилъ его отсутствіе и спросилъ:

— А что же это я не вижу Джима? Почему онъ ко мнѣ не подойдетъ? Скажите ему, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ!

Мы всѣ такъ и присѣли. Мама смутилась и опустила глаза.

— Не безпокойся, Оливеръ, онъ придетъ... сказала она. — Онъ всегда былъ неблагодарнымъ, строптивымъ юношей. Онъ придетъ!

— Но что это значитъ? удивился папа. — Почему ты сказала это такимъ страннымъ тономъ?

Почему молчатъ дѣти? Развѣ съ Джимомъ что-нибудь случилось?

Тутъ мама рассказала папѣ все и разрыдалась. Папа пошатнулся, ухватился за край стола и сѣлъ на первое попавшееся ему кресло.

— О, я несчастный! воскликнулъ онъ и, упавъ лицомъ на столъ, тоже сталъ рыдать.

Мы стояли около нашихъ родителей всѣ и не знали, что дѣлать.

— Я не могу видѣть ихъ слезъ, шепнулъ мнѣ на ухо Вольфъ.— Пойдемъ, Соня, пройдемся!

Мнѣ тоже было тяжело видѣть, какъ плакали отецъ и мать. Сердце мое разрывалось на части.

— Пойдемъ, Вольфъ!.. отвѣтила я брату.

Мы одѣлись и вышли на улицу. Была ночь, шелъ снѣгъ и во всей природѣ, казалось, было такъ тоскливо, какъ не было еще никогда.

Но тутъ съ нами случилось происшествіе, о которомъ я сообщу въ слѣдующемъ номерѣ этого журнала.

По «The silver flagon» изъ «Chatterbox».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДВѢ СКАЗОЧКИ.

I. Цвѣтокъ, который поетъ.

Король долженъ умереть! Докторъ уже объявилъ, что ничего нельзя подѣлать. Это былъ могущественный король, всѣ средства были уже испробованы и теперь никакія человѣческія усилія не могли ему помочь.

Оставалась только единственная надежда — это на чудо. И едва только докторъ ушелъ отъ своего больного, какъ къ двумъ его сыновьямъ и дочери пришелъ какой-то неизвѣстный дровосѣкъ и сказалъ:

— Я знаю, что въ дремучемъ лѣсу, который окружаетъ со всѣхъ сторонъ ваше королевство, и куда еще не проникала ни одна живая душа, находится растеніе, исцѣляющее отъ всѣхъ болѣзней. Оно называется „цвѣтокъ, который поетъ“. Какъ только спускается

ночь и наступаетъ въ лѣсу тишина, этотъ цвѣтокъ начинаетъ пѣть и всѣ лѣсные духи и феи внимаютъ его пѣсни. И если этотъ цвѣтокъ сорвать и принести къ больному, то чѣмъ-бы онъ ни былъ боленъ, онъ тотчасъ же выздоровѣетъ.

— Откуда ты это знаешь?—спросили его дочь и сыновья короля.

— Я слышалъ это отъ фей, отвѣтилъ дровосѣкъ,—которыя не боятся меня и часто ведутъ со мною разговоры. Да къ тому-же и люди, живущіе по ту сторону лѣса, знаютъ объ этомъ чудесномъ цвѣткѣ и въ поискахъ за нимъ уже не мало ихъ погибло.

— Почему-же имъ не удавалось его найти?

— Потому что его охраняютъ волшебныя силы и дѣлаютъ доступъ къ нему невозможнымъ. Онѣ обладаютъ способностью превра-

щать въ камень всѣхъ, кто осмѣлился-бы отправиться въ лѣсъ за цвѣткомъ и обернуть назадъ голову. Да и самое мѣсто, гдѣ растетъ цвѣтокъ, окружено громадными каменными глыбами. И горе безумцамъ, дерзнувшимъ туда проникнуть! Они тотчасъ-же превращаются въ эти глыбы!

Но болѣзнь короля была настолько серьезна, что его сыновья рѣшили во что-бы то ни стало, хотя-бы изъ удали, отправиться въ путь, чтобы отыскать этотъ удивительный цвѣтокъ, который пѣлъ. Они повѣрили дровосѣку, потому что и сами раньше уже слышали о цвѣткѣ.

— Если мы достанемъ этотъ цвѣтокъ, говорили они между собой, то о насъ впослѣдствіи будетъ говорить исторія и мальчики будутъ учить о насъ въ школахъ. Мы обогатимъ весь міръ, такъ какъ найдемъ леченіе отъ всѣхъ болѣзней!..

Старшій пожелалъ отправиться первымъ. Дровосѣкъ проводилъ его до самого входа въ волшебную сторону, и королевичъ смѣло отправился впередъ. Онъ долго не оборачивалъ головы назадъ, не отвѣчалъ на обиды и задоры разныхъ духовъ, скрывавшихся въ высокой травѣ или за громадными черными камнями. Но подъ конецъ одинъ изъ духовъ прикинулся его матерью и окликнулъ его ея голосомъ. Королевичъ не стерпѣлъ и обернулъ назадъ голову.

И однимъ чернымъ камнемъ въ лѣсу стало больше. Духи превратили королевича въ камень.

На слѣдующій день отправился въ лѣсъ второй сынъ. Едва только онъ вступилъ въ лѣсъ, какъ

лѣшій подкрался къ нему сзади и сдѣлалъ такъ, что королевичъ зацѣпился плащомъ за сучокъ. Чтобы отцѣпить его, королевичъ обернулся назадъ и тотчасъ-же превратился въ камень.

А старому королю становилось все хуже и хуже. Смерть уже стояла у его изголовья и готовилась занести надъ нимъ свою косу. И дочь короля, которая сильно любила своего отца, плакала и ничто не могло ее утѣшить. И она рѣшила сама отправиться за волшебнымъ цвѣткомъ, чтобы излечить своего отца.

И она пошла въ лѣсъ. Слезы струились у нея по щекамъ, она была печальна и такъ сильно думала объ отцѣ, что и не слышала, какъ задирали ее лѣсные духи. И что ни дѣлалъ лѣшій, чтобы отвлечь ея вниманіе и заставить ее обернуться назадъ, она думала только о томъ, какъ-бы помочь скорѣе отцу, и всѣ попытки лѣшаго остались безъ успѣха. Онъ окликалъ ее голосами близкихъ ей людей, но она не слышала ихъ. Онъ зацѣплялъ ея платье за сучки и пеньки, но она шла впередъ, разрывая самое платье, онъ толкалъ ее сзади, но, падая на землю, она снова отправлялась въ путь и только и думала, что о больномъ отцѣ.

Наконецъ она дошла до того мѣста, гдѣ былъ входъ въ волшебную страну. Два тигра стояли у входа и стерегли, чтобы кто-нибудь туда не вошелъ. Она знала, что ей не осилить тигровъ и потому подошла къ ужаснымъ животнымъ и со слезами въ голосѣ сказала имъ:—

— Мой отецъ при смерти, и я хочу, чтобы онъ остался живъ.

Выслушайте меня, умоляю вас! Если ему показать цвѣтокъ, который поеть, то смерть испугается этого цвѣтка и мой отецъ выздоровѣетъ тотчасъ-же. И если мнѣ суждено погибнуть, если вы должны меня съѣсть, то, умоляю васъ, дайте сначала мнѣ этотъ цвѣтокъ, я снесу его къ отцу и завтра-же приду къ вамъ опять и позволю вамъ меня съѣсть!

И, чтобы умилостивить звѣрей, она стала ихъ ласкать и гладить своей дрожавшей рукой.

И вдругъ они заговорили:—

— Иди! сказалъ одинъ изъ нихъ.— Входи, добрая королевна! Мы осуждены были еще долго оставаться въ этихъ тигровыхъ шкурахъ, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь насъ не приласкаетъ, и вотъ двѣсти лѣтъ мы ожидали этой твоей ласки. И вотъ ты пришла и приласкала насъ. Въмѣсто того, чтобы употребить противъ насъ силу, ты побѣдила насъ своей добротой, а вѣдь ты знаешь, что силой и тщеславіемъ не всегда достигнешь того, чего могутъ добиться кроткая просьба и доброта.

И они пошли передъ нею, а она послѣдовала за ними.

Въ темномъ лѣсу слышались возгласы и завыванія со всѣхъ сторонъ, съ каждой вѣтки, изъ-подъ каждаго куста, и фантастическія птицы кричали на деревьяхъ. Громадная летучая мышь пересѣкала путь, и змѣи шипѣли изъ своихъ норъ.

Но дѣвушка такъ была поглощена думами объ отцѣ, что не замѣчала ничего.

И вотъ они пришли наконецъ къ волшебному цвѣтку. Онъ былъ такъ красивъ, что нельзя описать, онъ пѣлъ такую пріятную, трогав-

шую за душу пѣсню, какой не слыхалъ еще никто.

Дѣвушка нагнулась надъ нимъ и сорвала его. Затѣмъ она поблагодарила тигровъ и отправилась въ обратный путь. Теперь всѣ лѣсные духи уже пришли въ ярость и негодование. Съ каждой вѣтки неслись проклятія и всѣ черные камни бранили ее за то, что ей удалось добыть то, чего не удалось добыть имъ самимъ.

Было такъ страшно, какъ иногда бываетъ во снѣ! Но королевна шла своей дорогой, по прежнему думала объ отцѣ и не слышала ничего. А когда она возвратилась домой и показала отцу волшебный цвѣтокъ, то сторожившая его смерть испугалась и, сложивъ свою косу, отлетѣла прочь.

На слѣдующій день король уже держалъ въ рукахъ этотъ цвѣтокъ, слушалъ его пѣніе и былъ совершенно здоровъ.

Прошли года. Тщеславные королевичи были превращены въ камни и безмолвно оставались въ лѣсу. Наслѣдниковъ не было и вмѣсто нихъ, послѣ состарившагося короля стала править его дочь. Она попрежнему была добра и попрежнему любила всѣхъ. Волшебный-же цвѣтокъ вскорѣ завялъ и засохъ, потому что могъ только одинъ разъ излечить человѣка отъ болѣзней и спасти ему жизнь.

Молодая королева приказала своему библіотекарю записать съ ея ея словъ эту сказку, чтобы впоследствии, много вѣковъ спустя, ее читали другіе люди и знали, что доброта и ласка гораздо лучше, чѣмъ грубая сила и самонадѣянность.

II. Корзины жемчуга.

Жили-были двѣ сестры: старшая изъ нихъ была очень красива, но высокомѣрна и завистлива, а младшая вовсе не отличалась красотой, но была нѣжна и любвеобильна и имѣла прекрасное сердце и чуткую душу. Она безропотно переносила всѣ нападки своей сестры. А эта сестра всякій разъ старалась унижить ее и дошла, наконецъ, до того, что не стала выпускать ее въ другія комнаты, когда пріѣзжали въ замокъ гости, и цѣлые дни дѣвушка должна была проводить на террасѣ, выходящей къ морю. Никто не хотѣлъ за нее заступиться и всѣ находили, что она дурна и глупа.

Все время одна да одна, бѣдняжка сидѣла на этой террасѣ и скучала. Никто къ ней не приходилъ, всѣмъ слугамъ въ замкѣ приказано было отвѣчать ей только „да“ и „нѣтъ“ и лишь иногда вечерній вѣтерокъ приносилъ ей звуки тѣхъ пѣсень и той музыки, которыя пѣли и играли въ покояхъ ея старшей сестры.

Терраса, на которой такъ томительно тянулись дни младшей сестры, спускалась прямо къ морю. Волны иногда вплотъ подкатывались къ ея ступенямъ и дѣвушка любила слушать, какъ онѣ шипѣли.

И вотъ однажды, когда она скучала болѣе обыкновеннаго, изъ воды вдругъ вышла очаровательная дѣвушка и протянула къ ней золотую чашу, въ которой доверху былъ насыпанъ крупный жемчугъ.

— Принцесса,—обратилась она къ ней: „Моя повелительница, Фея жемчужныхъ раковинъ, посылаетъ тебѣ этотъ жемчугъ, равнаго которому нѣтъ на свѣтѣ“.

И прежде чѣмъ принцесса могла что-нибудь отвѣтить, эта дѣвушка исчезла.

Полная удивленія, принцесса стала пересыпать жемчугъ съ ладони на ладонь, не зная, что изъ него дѣлать. А онъ былъ такъ дорогъ, что стоилъ цѣлые миллионы.

И каково же было удивленіе во всемъ замкѣ, когда всѣ узнали, что у нея была эта драгоценность! И всѣ вдругъ сразу нашли, что она какъ-то вдругъ похорошѣла, что интереснѣе ея нѣтъ другой дѣвушки во всей странѣ, и всѣ дамы стали дѣлать передъ ней реверансы. Но тутъ вышла старшая сестра и при видѣ жемчуга, которому позавидовала бы любая королева, набросилась на дѣвочку и стала ее бранить. А затѣмъ, чтобы жемчугъ этотъ не достался никому, она вырвала его изъ рукъ сестры и бросила его въ море.

— Что ты дѣлаешь? — воскликнула дѣвушка.

— Я желаю быть лучше и красивѣе тебя,—сухо отвѣтила ей сестра,—а съ этимъ жемчугомъ любая мужичка можетъ считаться королевой.

И какъ только младшая сестра лишилась своего жемчуга, — всѣ опять нашли, что она сразу похурнѣла и стала глупой. Она заплакала и снова уединилась на террасу, снова сѣла въ свое кресло и погрузилась въ невеселыя мысли. А затѣмъ она стала рыдать.

— Не плачьте, принцесса,—вдругъ услышала она около себя чей-то голосъ. — Лучше слѣдуйте за мной!

Принцесса подняла глаза и вдругъ увидала передъ собой ту же самую дѣвушку, которая принесла ей раньше жемчугъ.

Она взяла принцессу за руку и повела ее за собой.

Онѣ сошли съ террасы на самый берегъ. Здѣсь дѣвушка взяла принцессу на руки и прямо по волнамъ понесла ее къ острову, на которомъ была большая пещера.

— Куда мы идемъ? — спросила ее дѣвушка.

— Къ Фей жемчуга, — отвѣтила та. — Это недалеко!

Онѣ вышли на берегъ острова, весь усыянный цвѣтущими анемонами и мощный перламутромъ. Передъ ними потянулись галереи изъ коралловъ, и группы присовъ чередовались съ группами нарциссовъ. Наконецъ онѣ вошли въ обширный залъ, гдѣ было много дѣвушекъ такихъ же, какъ и проводница, одѣтыхъ въ бѣлыя и розовыя платья, съ длинными волосами и съ драгоценными ожерельями на шеяхъ. Среди нихъ принцесса увидела Царицу Жемчуга.

— Иди сюда, милая дѣвушка, — обратилась къ ней Царица. — Ты добра и несчастна, поэтому ты имѣешь право на нашу дружбу. Въ моихъ прогулкахъ по морскому дну я часто подходила къ твоей террасѣ и мнѣ всегда было жаль на тебя глядѣть. Подойди же сюда поближе!

Принцесса подошла къ ней, и она ее горячо поцѣловала.

— Ты унесешь отсюда съ собою, — продолжала Царица, — цѣлыя корзины жемчужинъ, такихъ жемчужинъ, равныхъ которымъ не знаетъ ни одинъ мастеръ на свѣтѣ. И ты должна будешь сыпать ими по своему пути. И ты увидишь тогда, какъ все измѣнится и какъ всѣ люди сразу перемѣнятся къ тебѣ и стануть тебя уважать.

Въ эту минуту двѣнадцать мо-

лодыхъ русалокъ принесли корзины, сплетенныя изъ чистаго золота, и всѣ дѣвушки, сколько ихъ было, сняли съ себя драгоценности и положили ихъ въ корзины. Когда же корзины были полны, Царица жемчуга еще разъ поцѣловала принцессу и пожелала ей счастья и славы.

А затѣмъ молодая дѣвушка опять повела маленькую принцессу прямо по водѣ обратно въ замокъ.

И всякій разъ, какъ принцесса хотѣла убѣдиться въ томъ, правильно ли ей говорила Царица жемчуга, она выходила къ своимъ гостямъ, бросала имъ горсти драгоценностей изъ корзины и они простирались передъ нею ницъ, хватали драгоценныя камни и старались наперерывъ ее увѣрить, что лучше, добрѣе и красивѣе ея нѣтъ никого на бѣломъ свѣтѣ и что если она захочетъ, то они умрутъ за нее и пойдутъ за нее въ огонь и въ воду.

А она глядѣла на нихъ и ей было жаль ихъ, потому что они передъ нею унижались.

— Но вѣдь вы же сами находили, — простодушно говорила она имъ, — что я безобразна и глупа!

Но онѣ ей искренно отвѣчали:

— О, нѣтъ, принцесса, ты всегда была прекрасна, какъ майскій день! Мы такъ ужасно заблуждались!

Старшая же ея сестра, которая была теперь бѣднѣе, чѣмъ она, захотѣла и сама попытать счастья у Царицы жемчуга. Она отправилась къ острову прямо по водѣ, но захлебнулась и утонула.

И никто ея не пожалѣлъ, потому что теперь нашелся другой человекъ, который былъ богаче ея и знатнѣе ихъ.

Ребусъ № 13.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса №11, помѣщенныхъ въ № 11 «Золотого Дѣтства».

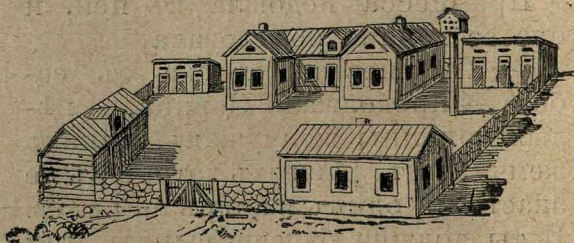
Головоломки: I. Изъ четырехъ буквъ: ц + ѣ + п + ь. II. Отъ земли. III. Воронъ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру. IV. а + на + насъ (ананасъ), клубни + ка (клубника) ... гру + ша (груша), ... сли + ва (слива), земляни + ка (земляника), айва, я + блокo ... (яблоко). V. Тетеревъ, дорога, Мартъ, Кострома, островъ, оспа, острогъ, матросъ = Москва и Петроградъ. VI. Лошадь, Сова, Синица, Наука = Лососина (Лось + осина).

Ребусъ № 11: У + до + рогъ + и + око + ло + яр + марки + стол + пи + лось + м + ножъ + есть + въ + о + крестъ + янъ = У дороги около ярмарки столпилось множество крестьянъ.

Читали-ли Вы книжку

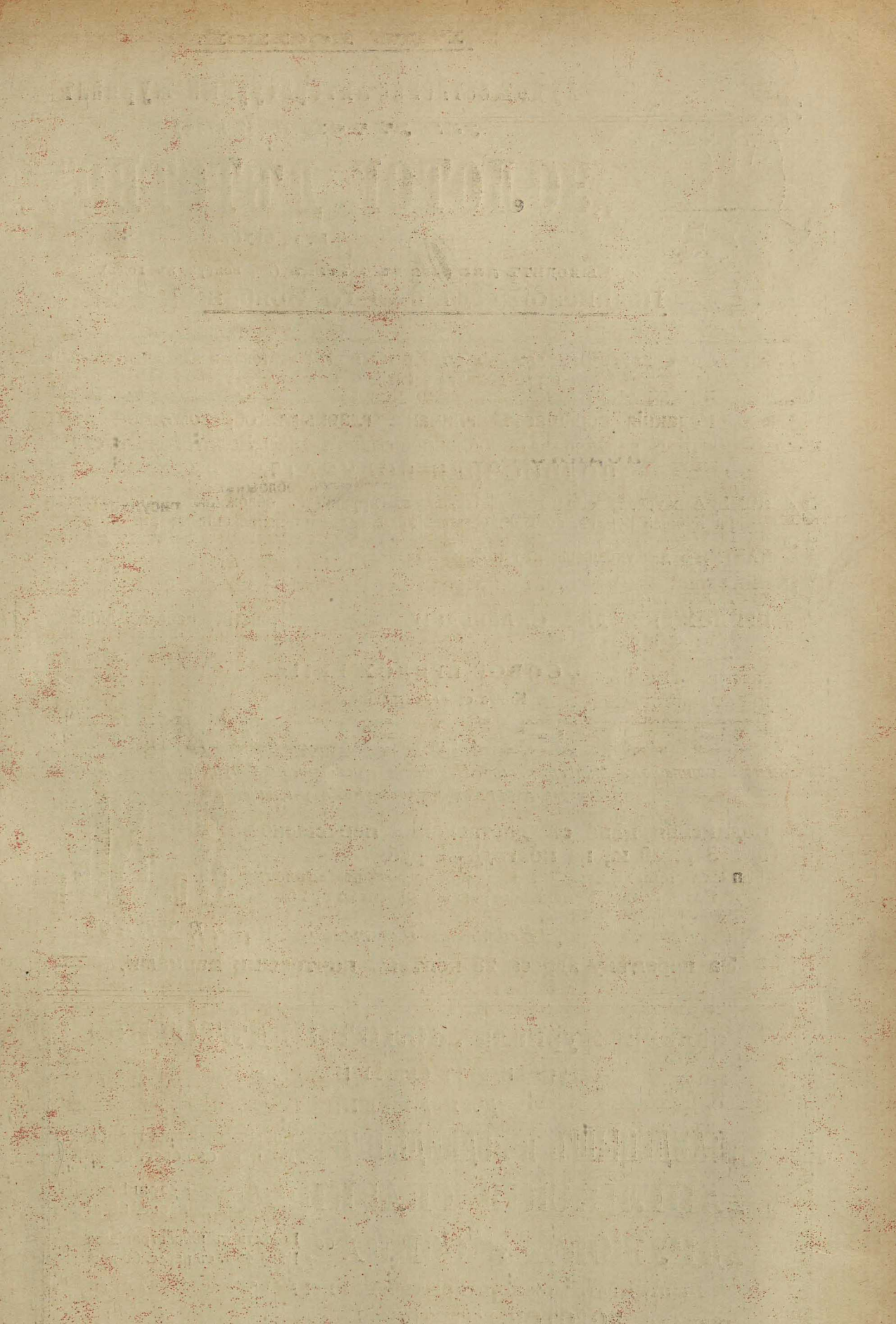
„Дружокъ и Дожка“?

Если не читали, то прочтите.

Модель приложенія къ этому номеру.

(Продолженіе).

Годъ восьмой.

Художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ во
ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 3 р. 80 к., на полгода—2 руб.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое
Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“ . Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ . Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ И ТЮМКА“ . Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 к. съ перес. 60 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.